

Мачей Малек

г. Катовице, Республика Польша

Адресатные формы в сценическом тексте и его переводе

The article is devoted to Polish translation of Nicolas Gogol's drama *Marriage* and its stage realization. The study focuses on the ways of translating addressative forms in stage texts. Addressative forms play a variety of roles in the stage text which translator has to detect and transfer into target language. To name but a few: they present age, social status, financial status, relation between characters. All this has to be considered in translation to give viewers a wider plot context.

Keywords: stage translation, addressative forms, Nicolas Gogol, *Marriage*

Обращения являются одним из элементов языковой картины говорящего и его окружения. Обращение представляет собой обособленный (с помощью интонации или соответствующих грамматических средств) компонент предложения (прономинальные и номинальные формы), который служит для обозначения лица или предмета, являющихся адресатами речи. Прономинальные формы – это разделение местоимений на *обращение на ты* (неформальное) и *обращение на вы* (формальное). Они служат для обозначения степени близости между собеседниками. *Обращение на ты* применяется, прежде всего, среди знакомых, членов семьи, детей и лиц, моложе говорящего. Помимо прочего, оно характерно для ситуаций, в которых [степень знакомства собеседников достаточно высока. *Обращение на вы* употребляется чаще всего по отношению к незнакомым или малознакомым собеседникам, по отношению к лицам, вышестоящим в профессиональной или общественной иерархии, а также к старшим по возрасту и т.д. [1, с. 34] В польском языке нет местоимения, которое соответствовало бы местоимению *вы* в такой функции. Тем не менее, многие языковеды считают, что в данном значении можно употреблять соответствующие имена существительные – *pan/pani/panowie/panie/państwo*, которые в речи выполняют аналогичную функцию [2, с. 212]. Номинальные формы – это имена, фамилии, клички, титулы, термины, обозначающие узы крови. В языках, в которых нет прономинальных форм обращения, именно номинальные выполняют все адресатные функции.

Формы обращений в каждой культуре обладают разными оттенками значений, в связи с чем вопрос о их переводе кажется нам очень интересным. Следует, однако, подчеркнуть, что наличие культурных элементов в формах обращений вызывает также определенные переводческие проблемы. Это нередко связано с определенным типом текста – в данном случае – с текстами для сцены.

Главной функцией адресатных форм является идентификация персонажа. Кроме того, эти формы выполняют также социологические функции, выявляя автоматически социальный статус собеседников, а также отношения между ними. Помимо прочего, на основании анализа используемых форм можно определить уровень эмоциональной окраски высказывания. Сохранение всех этих качеств должно быть учтено в процессе перевода. Однако, как показал предпереводческий анализ текста, полная эквивалентность между этими элементами языка практически не существует. Самые яркие различия можно увидеть на экспрессивном и ассоциативном уровнях [3, с. 68].

Таким образом, очевидным является тот факт, что переводу адресатных форм должен предшествовать анализ отношений между персонажами, выступающими в оригинальном тексте. Мы имеем здесь в виду все внеязыковые средства, такие как контекст высказывания, социальная характеристика говорящих – их возраст, статус, уровень образования – иначе говоря – переводчик должен обладать определенной коммуникативной компетенцией [2, с. 215].

В настоящей статье мы рассмотрим способы перевода на польский язык обращений, отобранных нами из пьесы Н.В. Гоголя *Женитьба*. Нами будет также рассматриваться способ их сценической реализации.

Материалом для исследований послужили вербальные адресатные выражения, а также невербальное поведение персонажей пьесы. Эти элементы анализировались в сопоставлении не только с переводом, но и с постановкой. Учитывая формальные ограничения, мы представим здесь только те примеры, которые показались нам наиболее интересными. Но даже такой небольшой материал дает, как нам кажется, представление о сложности перевода.

Прономинальные формы

Перевод прономинальных форм обычно не вызывает особых проблем. После анализа отношений между собеседниками следует подобрать соответствующую форму. Часто бывает и так, что они представлены дополнительно личными формами глагола, что облегчает и анализ, и перевод. Не вызывает проблем, например, обозначение отношений на линии хозяин – слуга. Здесь всегда будет выступать *обращение на вы* – слуги к хозяину и *обращение на ты* –

хозяина к слуге. Это иллюстрирует нижеприведённый пример, в котором Подколесин обращается к своему слуге – Степану, используя его имя или личные формы глагола. Степан же применяет форму *pan*:

Явление первое, действие II

Подколесин. А у портного был?

Степан. Был.

Подколесин. Что ж он, шьёт фрак?

Степан. Шьёт.

Подколесин. И много уже нашёл?

Степан. Да, уж довольно. Начал уж петли метать.

Подколесин. Что ты говоришь?

Степан. Говорю: начал уж петли метать.

Подколесин. А не спрашивал он, на что, мол, нужен барину фрак?

Степан. Нет, не спрашивал. [...]

Подколесин. Однако ж ведь сукно-то на них будет, чай, похуже, чем на моем?

Степан. Да, это будет поприглядистее, что на вашем.

Podkolesin: A u krawca byłeś?

Stiepan: Byłem.

Podkolesin: Co, szyje фрак?

Stiepan: Szyje.

Podkolesin: A dużo już naszył?

Stiepan: Ano sporo. Zaczął już obrzucać dziurki.

Podkolesin: Co mówisz?

Stiepan: Mówię: dziurki obrzuca.

Podkolesin: A nie pytał, na co, niby, panu фрак?

Stiepan: Nie, nie pytał. [...]

Podkolesin: Ale tamte fraki są z gorszego sukna niż mój?

Stiepan: Tak, co dla pana to będzie szykowniejsze.

В случае дружеских отношений между собеседниками в русском языке применяются *обращения на ты*. В некоторых случаях возможно одновременное применение номинальных форм в виде имени или отчества. В польском переводе иногда переводчик решает отказаться от употребления отчества и оставляет только имя в именительном падеже:

Явление первое, действие IX

Кочкарев. Что Подколесин?..

(*Увидев Феклу.*) Ты как здесь? Ах, ты!.. Ну послушай, на кой черт ты меня женила?

Фекла. А что ж дурного? Закон исполнил.

Кочкарев. Закон исполнил! Эк невидаль, жена! Без нее-то разве я не мог обойтись?

Фекла. Да ведь ты ж сам пристал: жени, бабушка, да и полно.

Koczkarłow: Podkolesin!

(*spostrzega Fiolkę*) A ty skąd się tu wzięłaś? Ech, ty!... Powiedz, po diabła mnie ożeniłaś?

Fiolka: A co w tym złego?

Przykazanie spełniłeś.

Koczkarłow: Przykazanie!

Myślałby kto: żona! Nie mogłem się bez niej obejść?

Fiolka: Sam się czepiłeś, ożeń mnie, kochanieńka, no to masz.

Кочкарев. Ах ты, крыса старая!..

Ну, а здесь зачем? Неужели

Подколесин хочет...

Фекла. А что ж? Бог благодать послал.

Кочкарев. Нет! Эж мерзавец, ведь мне ничего об этом. Каков!

Прошу покорно: сподтишка, а?

Koczkariow: Ech ty, czarownico!...

A tutaj co robisz? Co, Podkolesin chce?...

Fiołka: A co? Bóg mu łaskę zsyła.

Koczkariow: Nie! A to drań, nic mi nie powiedział. Jaki? Proszę: cichaczem, co?

Явление первое, действие XI

Кочкарев. Да ну, брат, поскорее!

Как ты копаешься!

Подколесин. Сейчас, сейчас.

(Надевает фрак и садится.)

Послушай, Илья Фомич. Знаешь

ли что? Поезжай-ка ты сам.

Кочкарев. Ну вот еще; с ума сошел разве? Мне ехать! Да кто из нас женится: ты или я?

Koczkariow: No bracie, pospiesz się! Jak tysię kokosisz!

Podkolesin: Zaraz, zaraz (*wkłada frak, siada*). Wiesz co, Ilya? Jedź sam.

Koczkariow: No jeszcze czego; zwariowałeś? Ja mamjechać! A kto się żeni – ja czy ty?

Ещё один пример из этой группы – это обращения незнакомых. Согласно речевому этикету русского языка тогда употребляется *обращение на вы*. Иллюстрируют это следующие примеры:

Явление первое, действие XVI

Анучкин. А как, позвольте еще вам сделать вопрос, – на каком языке изъясняются в Сицилии?

Жевакин. А натурально, все на французском.

Анучкин. И все барышни решительно говорят по-французски?

Жевакин. Все-с решительно. Вы даже, может быть, не поверите тому, что я вам доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слышал от них по-русски.

Анучкин. Ни одного слова?

Жевакин. Ни одного слова.

Anuczkin: Pozwoli pan, że zadam jeszcze pytanie: po jakiemu mówią na Sycylii?

Żewakin: A naturalnie, wszyscy po francusku.

Anuczkin: I wszystkie absolutnie panny mówią po francusku?

Żewakin: Absolutnie wszystkie.

Pan może nawet nie uwierzy w to, co powiem: byliśmy tam trzydzieści cztery dni i przez cały ten czas nie usłyszałem od nich ani jednego rosyjskiego słowa!

Anuczkin: Ani jednego słowa?

Żewakin: Ani jednego słowa.

В этом контексте и переводчик, и актёры должны иметь в виду конфликт между речевым и неречевым поведением. Это очень важно, так как, если слова говорят что-то другое, чем «говорит» тело, реципиент может растеряться и начать проверять суть сообщения» [4, с. 14-15]. В таком случае перлокутивный эффект не будет достигнут.

Сложной переводческой проблемой для всех, кто занимается польско-русским переводом, являются польские формы обращений *pan* и *pani*. В словарях они толкуются следующим образом:

Pan: 1. «мужчина», 2. «в качестве формы вежливости при обращении к мужчине или разговоре о нём», 3. «лицо, облечённое властью», 4. «владелец земли, помещик, барин», 5. «мужчина во главе семьи», 6. устар. «хозяин по отношению к слугам». [5]

Pani: 1. «женщина», 2. «в качестве формы вежливости при обращении к женщине или разговоре о ней», 3. «лицо, облечённое властью», 4. «владелец земли, помещик, барыня», 5. «женщина во главе семьи», 6. устар. «хозяйка по отношению к слугам». [5]

Как можно заметить, кроме прономинального значения, приведённого во втором пункте, существует еще ряд других значений, которые присутствуют в оригинале, но они остались непереуведёнными. Это очень важно, так как в некоторых контекстах они играют значимую роль.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнейше садиться. (*Обращаясь к Кочкарёву.*) А позвольте узнать...

Кочкарёв. Да неужели вы меня не узнаете? (*Обращаясь к Агафье Тихоновне.*) И вы также, сударыня?

Агафья Тихоновна. Сколько мне кажется, совсем не видала вас.

Кочкарёв. Однако ж припомните. Вы меня, верно, где-нибудь видели.

Arina: Proszę uprzejmie siadać. (*do Koczkariowa*) A pan będzie łaskaw...

Koczkariow: Czy pani mnie nie poznaje? (*do Agafii*) I pani również?

Agafia: O ile mnie pamięć nie myli, w ogóle pana nie widziałam.

Koczkariow: Ale proszę sobie przypomnieć. Na pewno mnie pani gdzieś widziała.

В вышеприведенном примере обнаруживаем определенные семантические потери. К ним принадлежит, например, информация о социальном статусе героини. Помимо прочего, обращение Кочкарёва в исходном тексте также неоднозначно. Мужская форма – «сударь», это – с одной стороны – «господин», а с другой же – «вежливое, учтивое, иногда ироническое, обращение к лицу из господствующих классов, а также между равными в социальном отношении людьми из интеллигентской, дворянской среды» [6]. Наша задача в данной статье не сводится к оценке качества перевода, тем не менее следует отметить,

что такое решение приводит к тому, что утрачен колорит эпохи. Нет здесь ожидаемого разнообразия адресатных форм, в связи с чем информация о персонажах является неполной.

Номинальные формы

Группу номинальных форм составляют, прежде всего, имена существительные, имена прилагательные, наречия, а также деепричастия и причастия в функции существительного [7, с. 26]. В русском языке лицо, к которому обращается говорящий, обозначается именительным падежом, так как форма звательного падежа в современном русском языке не сохранилась (за исключением разговорной речи, в которой встречаем формы типа *мам, пап*, образованные путем усечения окончания) в отличие от польского языка.

В случае этой группы проанализируем примеры выражений, состоящих из имени и отчества, диминутивные формы, а также выражения, служащие для обозначения членов семьи.

В случае перевода конструкции типа «имя + отчество» обнаруживается определенная стратегия польского переводчика – он чаще всего применяет лишь имя в звательном падеже без отчества.

Явление первое, действие XIII

Агафья Тихоновна. Как же сегодня? Душа моя Фекла Ивановна, я боюсь.

Agafia: Jak to dzisiaj? Fiokła, kochana moja, ja się boję!

Явление первое, действие XI

Подколесин. Сейчас, сейчас. (*Надевает фрак и садится.*)
Послушай, Илья Фомич. Знаешь ли что? Поезжай-ка ты сам.

Podkolesin: Zaraz, zaraz (*wklada фрак, siada*). Wiesz co, Ilya? Jedź sam.

Вопрос о том, почему переводчик выбрал такую стратегию, кажется нам интересным. Во-первых потому, что такое решение не очевидно, в связи с тем, что категория отчества хорошо закреплена в польской культуре и является одним из типичных показателей «категории чужого». Здесь, однако, как нам кажется, данный выбор можно объяснить тем, что это перевод для сцены, который требует особых приемов. Переводчик должен учитывать моментальность сообщения. Зритель не может остановить действие, для того чтобы проверить информацию о герое или о сюжете. Именно поэтому, переводчик должен приложить все усилия, чтобы текст хорошо прозвучал со сцены и сразу был понятен зрителям. При таком подходе, наличие форм отчеств может оказаться барьерами в достижении

желаемого эффекта. С этим связан ещё один вопрос – о комфорте произношения отдельных фраз. Русская акцентуационная система вызывает у польских актеров определенные проблемы. В анализируемой нами пьесе можно заметить ошибки в ударении имён, фамилий и отчеств (так как эти элементы обычно сохраняются в оригинальной форме). В некоторых случаях, они настолько отличаются друг от друга по поводу разного произношения, что возникают проблемы с идентификацией персонажа. Можно, например, услышать со сцены такие формы ударения фамилии Tichonowna: Tichonowna – Tichónowna – Tichonówna. Во избежание таких ошибок можно применить формы *pan/ pani*:

Явление первое, действие XIII

Фекла. Ан нет, Арина
Пантелеймоновна, грех вам
понапрасну поклеп взводить.

Fiokła: (*wchodzi*): Grzech pani
Arino, bez powodu rzucac takie
oszczerstwa.

Интересным является также вопрос о переводе диминутивных форм. Эта группа содержит формы слов, выражающие широкий диапазон чувств: любовь, восхищение, нежность, нелюбовь, неуважение, нервность и др. Использование диминутивов вызвано, прежде всего, наличием у говорящего определенных эмоций. Переводчик применяет здесь целый ряд разных выражений, что для нас не является переводческой ошибкой. Функция этих выражений сводится к тому, чтобы вызывать положительные эмоции и желаемые ассоциации. Нам кажется, что применение выражений, типичных для польской культуры общения, и одновременно – нейтральных – было хорошим решением. В таких ситуациях огромную роль играет креативность переводчика, которую здесь оцениваем высоко. В качестве примера можно здесь привести следующие диминутивы:

голубушка – złociutka, мордашечка – mordeczko, чернушка – guszczyki, лапушка – koteniek, милочка – skarbeniek

Разнообразие применяемых лексических средств наблюдаем также при переводе вульгарных выражений, а также таких, которые выражают отрицательное отношение говорящего к собеседнику:

Бревно ты – Tykloci, Бревно – Kłoda, Крыса старая – czarownico, Дурак – dureń, глуп – baran.

Эти выражения, сопровождаемые определенными невербальными элементами, отлично выполнили свою функцию в постановке.

В заключение мы хотим еще остановиться на проблеме адресатных форм, которые указывают на родство. В русском языке можно обращаться к собеседнику, употребляя слова из такой группы, даже

если между ними нет формального родства. Это обращения типа: *ты дедушка, отец мой, мать моя, бабушка, матушка, брат, братец, дядя, дядюшка, тётка*. Буквальный перевод в таких случаях мог бы дать ложный образ отношений между героями. Следующие примеры показывают, как переводчик решил эту проблему:

Отец мой – kochaniutki, матушка – kochaniutka, kochanieńka, бабушка – kochanieńka, мать моя – serdeńko, kwiatuszek...

Культурная компетенция, которой должны обладать участники процесса перевода, в том числе переводчик и реципиент, позволяет хорошо понять культурные реалии текста [4, с. 21]. Представленные примеры дают, как нам кажется, представление о том, с какими проблемами сталкивается переводчик в процессе перевода текстов для сцены. В связи с этим, высказываясь по поводу качества перевода, следует принять во внимание ряд существенных факторов, в частности – характер лексических элементов, их семантику, прагматику и узус. Переводчик текстов для сцены должен учитывать, что все эти элементы являются носителями информации об эпохе, о персонажах, а также об отношениях между ними. Помимо прочего, они выполняют многочисленные функции, в том числе экспрессивную, в связи с чем их задача – вызывать ожидаемые эмоции. Лишь тогда, когда переводчик учтёт все политические, социальные и культурологические аспекты, можно добиться переводческого успеха.

Литература

1. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Москва: Русский язык, 1987. 158 с.
2. Szarkowska A. Formy adresatywne w przekładzie z języka angielskiego na polski. *Rocznik Przekładoznawczy*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. 250 с.
3. Hejwowski K. Iluzja przekładu. Katowice: Wydawnictwo Śląsk, 2015. 440 с.
4. Marcjanik M. Grzeczność w komunikacji językowej. Warszawa: PWN, 2007. 166 с.
5. Słownik języka polskiego. (URL, <https://sjp.pwn.pl/>) [дата обращения 20.04.2019].
6. Толковый словарь Ожегова. (URL <https://slovarozhegova.ru/>) [дата обращения 20.04.2019].
7. Pytel-Pandey D. System adresatywny współczesnego języka niemieckiego i rosyjskiego. Konfrontacja socjolingwistyczna. Wrocław: Atut, 2003. 256 с.
8. Черных П.Я. Заметки об употреблении *вы* вместо *ты* в качестве формы вежливости в русском литературном языке 18-19 веков. *Учёные записки Московского государственного университета*. Вып. 137. Труды кафедры русского языка, книга вторая. Москва 1948.
9. Huszcza R. Honoryfikatywność: gramatyka, pragmatyka, typologia. Warszawa: Wydawnictwo Dialog, 1996. 256 с.
10. Szymoniuk M. O (nie)przekładalności kultur. (Na przykładzie relacji polsko-rosyjskich). *Przegląd rusycystyczny*. № 4. Katowice: Wydawnictwo Naukowe “Śląsk”, 2004. 154 с.